

П.А. ЛЕКАНТ

(Московский государственный областной университет
г. Москва, Россия)

УДК 82.161.1.1(Лермонтов М. Ю.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,444

МЕТАФОРА И СИМВОЛ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Аннотация: Традиционные метафоры и символы в поэзии Лермонтова украшаются эпитетами, а индивидуальные метафоры реализуют главные свойства – яркость и неожиданность.

Ключевые слова: ораторский стиль, метафора, слово-символ, субъективность, экспрессия, оценка.

Метафора – перенос значения сова из сферы номинации (названия) в сферу характеристики, образного употребления – в языке Лермонтова является одним из самых ярких, многогранных, многоцветных поэтических средств. По словам В.В. Виноградова, «Лермонтов придаёт лирическому стилю необыкновенную эмоциональную силу и ораторское напряжение, превращая лирику в патетическую исповедь» [Виноградов 1938: 44]. Этот вывод Виноградов иллюстрирует текстом «Демона»:

*Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы...*

– вот они метафоры!

Свойственные русскому языку формы и контексты употребления метафоры Лермонтов обогащает, расширяет за счёт иных приёмов, тропов и пр., представляет читателю самый главный признак метафоры – **неожиданность**. Надо сказать, что он отдаёт должное традиционным поэтическим метафорам, основанным на словах-символах *океан, ковёр, туман, дым, хрусталь, чаша* и пр., которые употреблены в строго определённой форме словосочетания с родительным падежом характеризуемого существительного: *дым славы* («Он некрасив...»); *Мы пьём из чаши бытия С закрытыми глазами* (Чаша жизни). Такую элементарную форму метафоры Лермонтов расширяет и дополняет

другими образными средствами – сравнениями, эпитетами, – создавая сложную, выразительную картину. Например: *И солнце сквозь **хрусталь волны** Сияло сладостней луны* (Мцыри); *Вечерней мглы **покров** воздушный Уж холмы Грузии одел* (Демон). Невероятная сила и глубина образа-символа *кинжал* получила завершение в яркой оценочной метафоре классической формы: *Проснёшься ль ты, осмеянный пророк? Иль никогда **на голос миценья** Из золотых ножон не вырвешь свой **клинок**, **Покрытый ржавчиной презренья**?* (Поэт). Эту метафору невозможно отделить от текста стиха. В другом контексте *кинжал* символизирует любви залог немой: *Лилейная рука тебя мне поднесла **В знак памяти**, в минуту расставанья, И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла, Но светлая слеза – **жемчужина страданья*** (Кинжал).

Выразительная поэтическая сила метафоры может принадлежать собственно образцу, идеальной форме: *бремя познания, яд ненависти, караваны светил* и под. Но и эти устоявшиеся метафорические смыслы Лермонтов расширяет, уточняет, углубляет. Например: *Когда сквозь вечные туманы, Познания жадный, он следил, Кочующие **караваны** В пространство брошенных **светил*** (Демон); *Печально я гляжу на наше поколенье! Его грядущее – иль пусто иль темно, Меж тем, под **бременем познания и сомненья**, В бездействии состарится оно* (Дума); *И вновь в душе его проснулся Старинной **ненависти яд*** (Демон). По Виноградову, в ораторском стиле Лермонтова «главная экспрессивная роль поручена эпитетам» [Виноградов 1982: 307]. Включение эпитета в метафорическую структуру характерно для поэтического языка Лермонтова: *Забывтой тайною хранима, Перед иконой золотой Стоишь ты, ветвь Ерусалима, **Святыни верный часовой*** (Ветка Палестины); *Но **злости мрачные забавы** Недолго нравились мне* (Демон).

Убийственным сарказмом звучат метафорические комплексы в риторическом высказывании: *Убит!.. к чему теперь рыданья, **Пустых похвал ненужный хор** И жалкий лепет оправданья* (Смерть поэта). Л.А. Новиков добавляет к ораторскому стилю Лермонтова форму «**декламационного стиха**» [Новиков 1963: 22].

Опытный Лермонтов, в расцвете творческих сил, создавал сложные метафорические картины с участием излюбленных

слов-символов *океан, пустыня, облака, звёзды, хоры; неуловимый, воздушный, волшебный* и др. Например: *На воздушном океане, Без руля и без ветрил, Тихо плавают в тумане Хоры стройные светил; Среди полей необозримых В небе ходят без следа Облаков неуловимых Волокнистые стада* (Демон); *Выхожу один я на дорогу; Сквозь туман кремнистый путь блестит; Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, И звезда с звездою говорит* («Выхожу один я на дорогу...») – всё есть в этих картинах: великое, возвышенное, божественное.

Метафора, сама основанная на сравнении, в поэзии Лермонтова укладывается в образных картинах с формами сравнения, расшитая золотыми нитями эпитетов. Например: *Да будет дух его спокоен И в правде твёрд, Как божий херувим, Пускай не знает он до срока Ни мук любви, ни славы жадных дум* («Рёбёнка милого рожденье...»).

Эпитет обычно содержит оценку – положительную или отрицательную, – которую автор «предлагает» читателю. У Лермонтова она нередко носит характер *самооценки*, раскрывающей душу лирического героя. Например: *И в этот миг таинственной отрады Душа моя мятежная полна* (Сосед). Любитель и мастер антитезы, Лермонтов «сталкивает» в контексте эпитеты с кричаще противоположной оценкой. Например: *И знаю: молодость адень иль сладкое мгновенье Слезами и тоской заплатишь ты судьбе* (Отчего).

Слова-символы (**собственно** символы) немногочисленны в русском языке. Они представляют некие общехудожественные, даже общекультурные понятия-олицетворения, например: *камень* – крепость, несокрушимость; *туман* – вечность, бесконечность, неизвестность; *море* – воля, свобода; *океан* – мощь, могущество; *птица* – воля, свобода; *пустыня* – одиночество. Эти общие смыслы слов-символов в поэтическом языке Лермонтова детализируются и обретают образную силу.

В юные годы Лермонтов отдал должное поэтике *моря*, как символу свободы, воли, простора; *волнам, ветру*. Например: *Для чего я не родился Этой синей волной? Как бы шумно я катился Под серебряной луной* («Для чего я не родился...»); *Мир небывалый, но живой, Блестящий вместе и туманный Тогда открылся предо мной... И в море каждая волна Была душой одарена* (Мо-

ряк). Спокойные, идиллические картины сменяются бурными, мятежными: *Играют волны, ветер свищет...* (Парус); является мотив *бури*, рядом с символом *моря* встаёт *океан*: *Что без страданий жизнь поэта? И что без бури океан?* («Я жить хочу...»).

В зрелые годы поэт открывает новые образные грани символа *море – волны*: сила их не беспредельна. Например: *Укор невежд, укор людей Души высокой не печалит; Пускай шумит волна морей – Утёс гранитный не повалит...* («Я не хочу, чтоб свет узнал...»); здесь *утёс* – символ непобедимости, стойкости, гордый символ величия.

В этот период расширяется образный диапазон символа *буря*. Метафорический смысл его обращается на выражение страстей, переживаний. Например: *Любил я и в былые годы, В невинности души моей, И бури шумные природы И бури тайные страстей* («Любил я и в былые годы...»); *Я долгие часы просиживал один, И память их жива поныне Под бурей тягостной сомнений и страстей* («Как часто пёстрою толпою окружён...»). В поэтическом контексте образ-символ *буря* приобретает оттенки грусти, сожаления, разочарования – *увяла, тайные, тягостных*, что в целом характерно для стиля Лермонтова. Лермонтову удалось создать «оригинальный стиль эмоциональной исповеди» [Виноградов 1982: 299].

Туман, символ вечности, бесконечности, – один из «заветных» образов поэта, характеризующих его мироощущение, настроение. Юношеский бесподобный «Парус», как будто сплетённый из слов-символов, открывается *туманом*: *Белеет парус одинокий в тумане моря голубом* – бесконечность светлая, радующая ожиданием свободы, воли, и сам, скажем, «лирический герой» – *мятежный*.

Через десятилетие зрелый, мудрый поэт обращается к *туману*-символу: *Выхожу один я на дорогу; Сквозь туман кремнистый путь блестит...* («Выхожу один я на дорогу...»). Мотив *вечности*, полноты жизни (*навек!*) выходит на первый план: *Жду ль чего? жалею ли о чём?*

К *туману*-символу Лермонтов обращался нечасто. Две грани символического смысла: *вечность* и *бесконечность* – сливаются в «Демоне»: *Когда сквозь вечные туманы, Познания жадный, он*

следил Кочующие караваны В пространстве брошенных светил... <...> Тихо плавают в тумане Хоры стройные светил (Демон). По мнению Д.Н. Шмелёва, «ораторский пафос сочетается, а иногда чередуется с плавностью ритмико-интонационного движения стиха» [Шмелёв 1964: 10].

Одним из главных природных символов является *камень*. Он олицетворяет надёжность, прочность, несокрушимость. Камень – символ бытия. Образный смысл слова-символа *камень* у Лермонтова расчленён. Образ несокрушимости – упомянутый выше *утёс гранитный*: ... волна морей *утёс гранитный* не повалит («Я не хочу, чтоб свет узнал...»). Автор посвятил *утёсу* отдельное стихотворение; особый, неожиданный образ: *Ночевала тучка золотая На груди утёса-великана; Утром в путь она умчалась рано, По лазури весело играя; Но остался влажный след в морщине старого утёса. Одиноко Он стоит, задумался глубоко, И тихонько плачет он в пустыне* (Утёс); великан несокрушимый наделён человеческими качествами – нежностью, грустью одиночества.

Другое содержание образа-символа *камень* – неволя, забвение, тяжесть. Например: *Есть остров на том океане – Пустынный и мрачный гранит; На острове том есть могила, А в ней император зарыт* (Воздушный корабль); *Надежда есть – ждёт правый суд: Простить он может, хоть осудит! Моя ж печаль бесценно тут, И ей конца, как мне, не будет; И не вздремнуть в, могиле ей! Она то ластится, как змей, То жжёт и плещет, будто пламень, То давит мысль мою, как камень – Надежд погибших и страстей несокрушимый мавзолей!*.. (Демон) [см.: Лекант 2013: 27].

Слова-символы *живой* природы Лермонтов употребляет широко, разнообразно: это названия деревьев, птиц, зверей. Не всегда за этими словами закреплён устойчивый образный смысл, каковы *орёл, змея*; например: *Уж проходят караваны Через те скалы, Где носились лишь туманы Да цари-орлы* (Спор); *Прочь, прочь, слеза позорная, Кипи, душа моя! Твоя измена чёрная Помятна мне, змея!* (Свиданье).

Имена деревьев, как правило, не имеют символического смысла и получают образное содержание в контексте произведения. Деревья красивы по-разному – скромно, или пышно, или

роскошно, гордо. В образном строе стиха красота получает разную оценку: проникновенное, грустное любование («На севере диком стоит одиноко...»); горечь от страшной расправы над гордыми пальмами и осуждение их: *И стали три пальмы на Бога роптать...* (Три пальмы); резкое отрицание гордыни и самолюбования: – *На что мне тебя? – отвечает младая чинара. – Ты пылен и жёлт – и сынам моим свежим не пара. Иди себе дальше, о странник! Тебя я не знаю! Я солнцем любима; цвети для него и блистаю...* (Листок).

Особое, можно сказать, заветное, звучание находит у Лермонтова слово-символ *дуб*: мощь, защита, вечность: *Надо мной чтоб, вечно зеленея, Тёмный дуб склонялся и шумел* («Выхожу один я на дорогу...»). Этот образ «не мелькает» в языке Лермонтова; поэт словно берёт его для своеобразного завещания.

Мотив воли, свободы у Лермонтова не мог пройти мимо образа-символа *птицы*. Юный поэт провозглашает этот мотив со страстью, с оттенком грусти: *Зачем я не птица, не ворон степной, Пролетевший сейчас надо мной? Зачем не могу в небесах я парить И одну лишь свободу любить?* (Желание) – а зрелый награждает образ-символ *орла* титулом *царя*: ... *где носились лишь туманы Да цари-орлы* (Спор). Образ-символ *орла* Лермонтов включает в контекст картины *вольной жизни*: ... *в тот чудный мир тревог и битв, Где в тучах прячутся скалы, Где люди вольны, как орлы* (Мцыри).

Кроме рассмотренного арсенала слов-символов, имеющих так или иначе **общий** образный смысл, Лермонтов выбрал собственный любимый символ – *кинжал*, упомянутый выше; (он же *булат*, *клинок*); он олицетворяет надёжность, твёрдость, верность. Например: *Да, я не изменюсь и буду твёрд душой, Как ты, как ты, мой друг железный* (Кинжал); *За твой единый взгляд Я рад отдать красавца сечи, Грузинский мой булат* («Как небеса твой взор блистает...»). Образ разящей, неотвратимой силы представлен в структуре сравнения: *Могучий взор смотрел ей в очи! Он жёг её. Во мраке ночи Над нею прямо он сверкал, Неотразимый, как кинжал* (Демон).

Мы видим, что метафора и символ, как образные средства, предельно близки. Хотя мы рассмотрели лишь некий фрагмент поэтического языка Лермонтова, можно полагать, что эти на-

блюдения соответствуют выводу В.В. Виноградова: «В лермонтовском языке художественная сила и выразительность сочетаются с предельной смысловой глубиной» [Виноградов 1982: 327].

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. – М., 1982.

Виноградов В.В. Язык Лермонтова // Русский язык в школе. – 1938. № 3.

Лекант П.А. Образные средства экспрессии и эмоциональности в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» // Вестник МГОУ. – Серия «Русская филология». – 2013. № 6.

Новиков Л.А. Лингвистическое толкование стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» // Русский язык в школе. – 1963. №6

Шмелёв Д.Н. О поэтическом языке Лермонтова // Русский язык в национальной школе. – 1964. №6.

© Лекант П.А., 2014